

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ТЕАТРУ САТИРЫ—50 лет

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ—СМЕХ

Накануне золотого юбилея Московского театра сатиры наши корреспонденты встретились с группой актеров этого театра: народными артистами СССР Г. Менглетом и А. Папановым, молодой актрисой Н. Корниенко. Сегодня, в день рождения коллектива, мы публикуем записи бесед с ними.

Г. МЕНГЛЕТ

— **Георгий Павлович, вам выпало на долю сыграть роли многих так называемых отрицательных персонажей. Как вы к этому относитесь?**

— Мне действительно пришлось переиграть великое множество ролей нехороших, мешающих нам жить, отравляющих нас быт людей. Если говорить о чисто профессиональной специфике, то, работая над этими ролями, я всегда старался, как мы это сформулировали для себя, найти «субъективную правду отрицательного персонажа».

Безвозвратно прошло то время, когда актер играл плохого человека, вращая глазами, пугая зрителя низким, угрожающим голосом. Нынешний негодяй чаще всего прикрывается демагогической фразой, скрывает свою сущность. Как сделать, чтобы этот человек был со сцены узнаваемым?

Очень помогло мне то, что одно время я был народным заседателем в суде. Там, пока мы разбирали дело, казалось, что вина доказана. А потом, на суде, преступник пулся во все тяжкие, ища доказательств своей правоты. Тогда-то у меня и зародилась мысль об этой «субъективной правде».

В Театре сатиры я уже много лет, знаю его задачи, цели. У нас очень часто главный герой отрицательный. Если мне удастся сыграть его убедительно, вскрыть его «нутро» — это и есть мой вклад в борьбу за утверждение морали нашего общества.

— **Но теперь у вас появились и герои другого типа — Каравай, Щеглов...**

— Появились, и я бесконечно признателен моему театру и драматургам, которые открыли мне возможность сыграть их.

В комедии-репортаже А. Макаенка «Таблетку под язык» — председатель колхоза Каравай. Признаться, в последние годы с подобными людьми в своей творческой лаборатории мне не приходилось сталкиваться. Дело не только в том, что для Каравая цель и смысл жизни ясны. Огромные духовные затраты, в которые он вкладывает себя без остатка, делают этот образ емким и интересным. Человек, который не знает слова «мое», но готов на все ради слова «наше»; человек, не знающий и не понимающий понятия «не могу». Надо — значит могу. Такой человек в нашем обществе есть.

Эти мысли и поступки не только Карава, а многих наших людей. Поэтому мне очень помогло в процессе работы общение с людьми, которые так мыслят и так действуют. С людьми нашего подшефного колхоза в Солнечногорске.

О роли профессора Ивана Щеглова в «Пощечине» С. Михалкова я должен сказать вот что. То затаенное внимание, с которым зрители смотрят наш спектакль, доказывает, что, несмотря на несовершенство, он волнует их очень конкретно поставленной нравственной проблемой. Я подчеркиваю —

очень конкретно. Тут не просто сатирическое изобличение взяточника, даже не только и не столько разоблачение взяточника. Ведь театр, как говорил Маяковский, «не отображающее зеркало, а увеличительное стекло».

Хочу к этим двум моим ролям добавить еще «Темп-1929». Я благодарен судьбе, которая в сатирическом театре подарила мне счастье сыграть Серго Орджоникидзе — человека огромного государственного ума, государственного темперамента, государственного видения жизни и в то же время очень простого и человеческого.

— **Значит, вам одинаково дороги ваши положительные и отрицательные герои?**

— Не дороги, нет, но интересны одинаково. Я считаю, что, играя и негодяя, и человека, которым можно гордиться, я приношу пользу нашему общему делу. Негодяя я высмеиваю, зритель понимает это, и это помогает ему быть зорче, активнее, непримиримее к неправде, злу, обману.

И вообще роль смеха огромна.

Когда мы сыграли любимый всеми нами спектакль «Прощись и пой», один известный режиссер сказал: «Я пришел в театр с давлением 180, а ушел с давлением 130». По-моему, это прекрасная рецензия!

А. ПАПАНОВ

— **Анатолий Дмитриевич, вы один из самых популярных комедийных актеров. Скажите, почему, на ваш взгляд, зритель смеется, встречая вас на сцене, на экране? Как вам удалось достичь живой реакции зала?**

— Во-первых, это зависит не только от меня, но и от людей, сидящих в зале. Зритель, приходящий в театр (или в кино), в общем подготовлен к тому, что сейчас увидит. И тут моя задача — не обмануть его надежд. Хотя это и условное деление, но можно сказать, что в нашем театре есть свой зритель. Мы знаем, что ему будет нравиться, что его будет смешить, что заставит задуматься. И, наверное, если бы мы показывали свой спектакль перед зрительями Художественного театра, то реакция зала была бы иной.

Во-вторых, вот вы сказали «комедийный актер». Мне кажется, для настоящего актера нет определенного амплуа. Все зависит от роли. Не актер примеряет на себя роль, а скорее, он должен отталкиваться от роли, идти от нее в процессе работы. Скажем, Николай Гриценко. Это актер перевоплощения. Мы можем поразному относиться к его работам, но когда мы идем смотреть его, всегда уверены, что в этот раз он будет иным, чем раньше. Среди множества его работ такие полярные, как князь Мышкин в «Идиоте» и Тарталья в «Принцессе Турандот».

— **И все-таки вернемся к комедии. Нет ли у вас каких-то проверенных актерских приемов, при помощи которых можно оживить зал, заставить посмеяться?**

Н. КОРНИЕНКО

— У меня есть один прием. Если я вкладываю в роль всю свою энергию, душевные силы, всю страсть, то это и есть слагаемые успеха. Даже если назвать это не так громко, то по крайней мере это — всегда отдача.

— **Нина Григорьевна, вы ведь не так давно в Театре сатиры, а у вас уже несколько отличных ролей. Это типичная судьба молодого актера в вашем театре?**

— У меня все сложилось очень удачно, и во многом помог случай. Дипломный спектакль в Школе-студии МХАТа, которую я заканчивала, был «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Бомарше. А в то же время в Театре сатиры ставился этот спектакль. И случилось так, что пригласили меня. Я продолжала учиться и уже играла в театре. Когда наступил момент распределения, который чаще всего решает актерскую судьбу выпускников театральных вузов, у меня были некоторые преимущества.

Но вообще у нас молодому актеру живется хорошо. Это могут подтвердить мои товарищи. Пять человек с нашего курса были взяты в театр, среди них Алеша Левинский и Тania Ицыкович, которые, помоему, стали уже довольно широко известны, много играют. Кстати, из театральной школы мы принесли с собой форму студийной работы. И хотя страшно уставали, так как репетировать приходилось после вечернего спектакля, это нам во многом помогало. Мы поставили «Балаганчик Дона Кристоваля» Ф. Г. Лорки и «Метаморфозы» по «Золотому слуху» Апулея. Поставили их с элементами биомеханики, которыми мы, тоже в студийном порядке, занимались в театре. И если «Балаганчик Дона Кристоваля» мы и сейчас показываем на вечерах театра, то очень жаль, что вторая работа ни во что не вылилась.

— **Вы заняты сейчас во многих спектаклях, что же заставляет вас заниматься еще и в студии? Может быть, все же творческая неудовлетворенность?**

— Нет, нет, мне очень нравятся все роли, которые я играю. Но хочется полнее узнать свои возможности. Совсем недавно мы разговаривали с друзьями о том, что сделали, предположим, Яковлеву — Яковлевой, Фрейндлих — Фрейндлих или Чурикову — Чуриковой? Что означает для актера быть «во времени», быть современным...

— **Извините, я перебыл вас. У каждой из перечисленных вами актрис есть то преимущество, что она нашла «своего» режиссера. У них в определенном смысле есть и возможность выбора материала, который им нужен. Можете ли вы это сказать о себе?**

— У нас в театре несколько иной принцип. В репертуаре я не выбираю — мне дают роль. При всем том, думаю, что это ни в коей мере не уменьшает актера, так как главный критерий здесь — успех нашего общего дела, успех спектакля. Новичку, пришедшему в театр, всегда дают возможность проявить себя. И уж если получится... Знаете, лично мне очень важно сознавать, что я нужна в театре, это очень помогает, дает силы двигаться вперед.